

...ЛЕТНИЙ полдень в селе По огородной меже торопится девочка. Ее загорелая рука осторожно приподнимает жесткие листья на одной из грядок и извлекает огурцы: один длинный, упитанный, другой поменьше, тиквообразный, и несколько совсем крохотных, можно сказать, один пупырышки да мурашки от страха...

Весь этот зеленый выводок отправляется в подол пестрого платья и туда же суется только что сорванный черно-красный цветок мака.

В саду, среди травы и лопухов, нетерпеливо ждут ребятнишки. Девочка ловко втыкает спички в маленькие огурцы и прикалывает получившиеся «ножки» к «туловищу» — самому солидному огурцу. Раз! — есть голова. Два! — есть хвост. Три! — готов невиданной породы зверь.

Еще на одну спичку аккуратно надевает «платье» из алых лепестков мака. Перепоясывает ярко-зеленой травой — готова юная принцесса в изысканнейшем бальном наряде.

Одним точным нажатием руки девочка усаживает принцессу на твердую спину зверя. Сама ложится в траву, из-за лопухов высовывает руку с фантастической всадицей и заводит беседу: тонкий, капризный голосок у «принцессы», низкие интонации у «зверя».

...Человек средних лет, в потертой рабочей куртке, сидит у верстака и, что-то мурлыча себе под нос, орудует с полем. Сначала протупует длинный острый нос, потом покашляет подбородок... круглые глаза...

И вот уже тонюсенький деревянный Буратино делает первые неуверенные шаги в воздухе и пробует свой странный писклявый голос.

Чудо «оживления» неживой куклы происходит у нас на глазах. «Папа Карло» дарит Буратино не только тело, голос, походку, но и душу, и судьбу.

...Давно ли вы были в кукольном театре? Давно! Тогда за нами — в Харьковский театр кукол имени Н. К. Крупской. Пользуйтесь случаем! Только раз! Билетов на спектакль, правда, не обещаем — проданы, как всегда, за месяц вперед. Ничего, поглядите в другой раз. Зато прогуляйтесь вместе с нами, не спеша, по всем четырем этажам старого бекетовского здания, явно не кукольных масштабов. Тут есть на что поглядеть. Только не настраивайтесь на нечто выдуманное, театрально-условное, так сказать, на «храм искусства». Здесь другая игра — в «естественность». Может, в другом месте эта модная игра и раздражает своей неестественностью, но здесь она к стати: «кукольная» миниатюрная природа — кусочек леса, сада, пруда, какие-то тоже кукольные, неправдоподобно яркие попугай, капарейки, золотые рыбки, нелепые черепахи. Мир живой, но подчеркнута экзотический, экстравагантный: мир театра кукол.

В музее, на самом верхнем этаже театра, куклы таинственно молчат. Зато их можно хорошо разглядеть. Может, вы думаете, главная забота куклы — имитировать человека? Отнюдь! У нее гротескно неправильное тело и такая же гротескная душа. Она или «злодей», или «поэт», или «влюбленная». Образ ее однозначен, чист и закончен. Но всегда проницателен по отношению к самому себе. Настоящая театральная кукла — это как бы автопародия, автошарж, ее отождествление с миром почти всегда трагикомично, как у клоуна в цирке.

Если этого нет — значит, театр кукол утратил свою специфику, впал в натурализм, беспомощно и бесплодно подра-

жает драматическому театру.

Но оставим молчаливых кукол на дальнейшее заботливое попечение заведующей музеем Светланы Александровны Сметанской и пойдем знакомиться с театром, чей образ неотделим от образа театра.

Человек этот — главный художник театра Алексей Михайлович Щеглов. В Харькове его хорошо знают. Долгие годы он руководил лучшей художественной студией в городе, оформил интерьеры нескольких городских зданий, в качестве художника работал над лучшими спектаклями театра кукол.

Коллекция театральные Знаменитые

17 мая 1975г.

ЗА КУЛИСАМИ ДВОРЦА СКАЗОК

Кукольные театры республики напряженно готовятся к ответственной работе в их жизни событию: республиканскому фестивалю лучших спектаклей театров кукол. Он состоится в ближайшее время в Харькове, на базе одного из самых интересных коллективов, работающих в этом жанре: Государственного театра кукол имени Н. К. Крупской. Сегодня мы рассказываем о его истории, коллективе, творческих планах и поисках.

Сейчас Алексей Михайлович вместе со студентами Харьковского института искусств Александром Инюточкиным и Леонидом Поповым проделали уникальную работу: реставрировали украинский вертеп и русского Петрушку в том их виде, в каком они занимали воображение наших прадедов на ярмарках и базарах. Эти старинные народные представления будут показаны участникам республиканского фестиваля лучших спектаклей театров кукол.

Не оставляет Алексей Михайлович надежды создать при своем театре студию, которая бы готовила художников специально для театров кукол. Его собственная живопись причудлива, декоративна и хоть самую чуточку, но иронична. Что ж, можно сказать — профессия кукольника обязывает! Но самое замечательное то, что Щеглову удалось «выстроить» даже свой человеческий образ, образ и стиль своей жизни по законам странного жанра, в котором он работает. Кукла — это застывшая маска, которую оживляет, одухотворяет актер. О Щеглове же можно сказать, что он сам себе и художник, и режиссер, и актер. И еще немножко — зритель...

...А теперь пойдем по коридору за другим человеком, с коренастой фигурой и, хочется сказать, «с коренастой» же походкой. По каким-то неуловимым признакам чувствуется, что это идет хозяин театра, главное лицо. Вслед за ним войдем в дверь, на которой висит табличка: «Директор и художественный руководитель театра В. А. Афанасьев».

Виктор Андреевич Афанасьев — Народный артист УССР, президент украинской секции и вице-президент советской секции УИИИМ — Международного союза кукольников, участник всех международных фестивалей кукол. Человек, чей творческий энергизм Харьковский театр обязан многим в своей судьбе. О нем надо бы рассказывать отдельно, потому что история его жизни увлекательна, как детектив, и поучительна, как притча.

Но это в другой раз — сейчас нас уже ждут в его веселом кабинете два серьезных молодых человека из Херсонского театра кукол — Владимир Добель и Владимир Мордович. Приехали за опытом и за советами. Их театр — небольшой одноэтажный домик — существует всего лишь три

года. Володя Добель, по профессии скульптор, выпускник Одесского художественного училища, исполняет в театре обязанности главного художника, а заодно и все прочие — так сказать, и жнец, и швец, и в дуду игрец. Текучка в театре — из ряда вон: 15 спектаклей поставили 11 режиссеров... Не хватает актерских рук, рабочих рук, слабая материальная база...

Виктор Андреевич не сочувствует, не возмущается, он внимательно слушает, а потом с нескрываемым лукавством говорит:

Коллекция театральные Знаменитые

17 мая 1975г.

Знаете, с чего мы начинали? До войны в Харькове было аж пять кукольных театров. И все они владели такой жалкой жизнью... Что вам сказать, если вплоть до 1952 года на Коммунальном рынке существовал самый настоящий базар, в котором давали по восемь представлений в день? Особенно трудно было зимой: пальто приходилось надевать только на один рукав, горло быстро уставало от напряжения и холода — «сlechали» его сырными яйцами.

Наш театр, имевший однуединственную комнатушку, давал время от времени спектакли на ХТЗ. До него — восемнадцать километров. Актеры добирались городским транспортом, а куклы везли на тачке.

— Ну-у, так нам намного легче: у нас три автобуса и «Москвич»!

— Вот видите, а вы жалуетсяе. Все когда-то начинали.

— Виктор Андреевич, а я к вам немного по своему делу. — Это уже Володя Мордович говорит. — Я окончил культпросветучилище, работаю в театре актером и режиссером. Хотел бы поучиться кукольному делу основательней. На станионар не могу — семья. Может, куда-либо заочно?

— Думаю, вам лучше всего стать участником нашей «Лаборатории режиссеров и художников театра кукол». Собираемся мы четыре раза в году в одном из городов Украины — знакомимся с работой тамошних молодых кукольников. Сначала — с макетами, эскизами, замыслами будущих спектаклей. Потом с их реализацией на сцене. Анализируем, критикуем, даем советы. Сейчас в нашей лаборатории четырнадцать человек из восьми театров.

...На счету у Харьковского театра имени Н. К. Крупской не только эта очень полезная для молодых кукольников Украинской лаборатории. Есть еще одно начинание, о котором надо говорить особо, ибо с ним связаны серьезные сдвиги, которые произошли в творческой судьбе театра в последние годы.

Двадцать лет назад Харьковский государственный театр кукол первым в республике поставил спектакль для взрослых — «Чертову мельницу» по пьесе Я. Доды и И. Штока. На Всесоюзном фестивале театров в Москве в 1958 году он был удостоен диплома 1-й степени. Это событие стало поворотным моментом в истории театра: имени спектакля для взрослых опередили его творческое лицо

и его успех у зрителей на целых два десятилетия. Поставленные В. Афанасьевым «Чертова мельница» и «Божественная комедия» по пьесе И. Штока и сегодня активны в репертуаре театра. Хорошо это или плохо?

Конечно, хорошо. У театра есть своя классика. Да, самая настоящая классика, со всем, что ей сопутствует. Историю искушений Отшельника знает почти каждый взрослый харьковчанин, его цитируют в разговорах, а для многочисленного харьковского студенчества посещение знаменитого спектакля считается даже «моментом зрелости».

Завидная судьба! Но... Но... Сам по себе факт, что сегодня во «взрослом» репертуаре театра, кроме «Чер-

товой мельницы» и «Божественной комедии», только «Прелестная Галатея» (спектакль я. н. неударный; эскизный, напоминающий механизм, у которого разболтались все части), — сам по себе факт неслыханный. Неужели коллектив достиг своего творческого потолка да, но, а потом перебивался процентом с накопленного капитала? Укрепляли материальную базу, налаживали образцовое хозяйство, а живую жизнь проворонили...

Просочилась она, как вода через песок, и никто не успел заметить, когда это случилось... К счастью, успели. И приняли коренные, принципиальные, безоговорочные меры: начали сами себе готовить новую сме- ну кукольников.

В 1969 году начала работать кафедра театра кукол при Харьковском институте искусств имени Котляревского. В театр пришли сразу одиннадцать выпускников — актеров и режиссеров. Остальные раз- ехались по областным театрам республики.

Справедливости ради надо сказать, что дело тут не только в безошибочной творческой интуиции руководителей театра имени Крупской. В последние десятилетия наметился прямой взрыв интереса к театру кукол повсеместно. Вдруг обнаружили, что это древнее искусство, о котором упоминали еще Апулей, Ксенофонт, Аристотель, Платон, — очень современное... Оказалось, что, с одной стороны, бытие «бездушных кукол» на сцене можно оживить, психологизировать до самых глубоких глубин; а с другой стороны, — возвысить до крайней степени обобщения, до чистого символа.

Что вы, например, скажете о таком Пяточкине: голова сплетена из старых веревок, вместо туловища — бездонный мешок, в который жадная извилистая рука забрасывает всякий хлам (курсовая работа студента Евгения Гимельфарба и художника Владимира Маяцкого). Или о венке, на котором в минуту радости героя распускаются пышные яркие цветы... (спектакль «Солнечный луч»).

«Реализовать метафору» в театре кукол можно в самом буквальном смысле. Сколько тут простора для богатой раскованной фантазии!

«Солнечный луч» — самый «современный» спектакль в сегодняшнем репертуаре театра (режиссеры — дипломники Харьковского института искусств имени Котляревского Е. Гимельфарб, А. Ридный; художник — А. Щеглов; художественный руководитель постановки — В. Афанасьев).

Спектакль выдержан в благородной, сдержанной интонации, он грустен, лиричен, рассчитан на тихое размышление, на поэтическое воображение. В нем и следа нет традиционного «балаганного веселья». И совсем юным зрителям, прямо

скажем, скучно сидеть на таком спектакле. Они не понимают его едва уловимой иронии, не оценивают чудес оживления и преобразования вещей. Им не хватает на грядке ширмы движения, событий. Это стало особенно очевидно — по контрасту — когда наступило явление кошки. Иначе как явление это и не назовешь! Сначала огромные черные когти... потом тяжелые лапы... грозные пики усов... глаза, как желтая молния... вся свирепая жадная морда... хищное туловище... И все это рывками, частями, через три ширмы, неотвратно — как стихия, как живой, во плоти, ужас... Понистине, страшнее кошки зверя нет!

Что поднялось в зрительном зале!...

...И на прощание давайте побываем на репетиции спектакля «Винни-Пух и все остальные» по знаменитой книге Артура Милна. Вы убедитесь, как посерьезнел, интеллектуально вырос сегодняшний театр кукол.

От Винни-Пуха глаз нельзя оторвать... У юной актрисы Рая Шевченко такое выразительное, обаятельное лицо, что поневоле первая мысль: да неужто же такое богатство за ширму прятать придется?! Да ведь жаль же, что не эти живые, наивные и чуть грустные глаза, не эту растерянню-беспечность, милую улыбку увидят зрители, — а неподвижную, навсегда отличную маску куклы!

Это неправильная мысль, мысль-предвзвешенность, и все-таки от нее трудно избавиться. Не удерживаюсь, спрашиваю.

— Если честно, я хоть и училась кукольному делу, но не без сожаления думала иногда о драматической сцене. Не так-то просто актрисе отказаться от возможности показывать зрителю. Тут не одно тщеславие — это в самой природе актерского ремесла. После окончания института не удержалась — попробовала в одном областном ТЮЗе работать. Не знаю, что у меня там не пошло. А здесь мне хорошо. Главное — это атмосфера в театре: тут у нас все думают, ищут, экспериментируют. Недаром ведь наш театр представлял Советский Союз в прошлом году на Международном фестивале театров кукол в Венгрии и получил диплом за успешное выступление. Это ведь о многом говорит!

...Что ж, может, когда-нибудь Рая Шевченко и соблазнится притягательными для актрис преимуществами драматической сцены. Это в копилку концов вопрос призвания. Но, может, вместо нее придет однажды в театр вот та девочка из сельского сада, что показывает сегодня ребятишкам макетную принцессу верхом на огуричном звере, и выберет она себе профессию кукольника среди всех прочих профессий в мире, и никогда ее ни на что не променяет...

Ведь странный этот театральный жанр далеко еще не познан во всех своих возможностях. Судя по всему, его еще ждет блистательный расцвет, источник которого может послужить одна его парадоксальная особенность: «Кукле нечем заменить убывание душевной глубины, обмеление чувств: нет у нее ни живости жеста, ни подвижности мимики. Она мертва, неуклюжа, когда не одухотворена мыслью, не согрета «жизнью человеческого духа». Здесь она лишается самого дорогого своего качества — человечности. В этом смысле можно сказать, что кукла должна быть «человечнее человека».

Так утверждает один из самых замечательных советских кукольников — народный артист РСФСР Е. В. Сперанский. А ему можно верить.

Л. ЛЕМЕШЕВА.
Харьков.